

РОМЕО. 20 ЛЕТ СПУСТЯ.

— Володя, почти одновременно на экраны вышли фильмы с твоим участием: «Подмосковные вечера», «Лимита», «Американская дочь», после которых о тебе заговорили, как об одном из самых талантливых молодых актеров...

— Многие думают, что «Лимита» — это первый мой фильм. Дебют состоялся в картине «Зеленый огонь козы» по сценарию Аркаши Высоцкого. Потом было еще пять-шесть работ в кино. Но беда была в том, что я снимался в то время, когда все куда-то исчезало. Парадокс: меня знали во Франции — там шел фильм «Я — Иван, ты — Абрам», а в России не знали. Вечная тема...

— Чем ты сам объясняешь, что взлет наступил именно после этих фильмов? Может быть, причина в том, что зритель, в особенности женщины, истосковался по сильному и романтическому герою, как твой Иван из «Лимиты» и Сергей из «Подмосковных вечеров»?

— Тут стечение обстоятельств, фильмы почти одновременно вышли на экран... А давать оценку своей работе довольно сложно. Мне нравились сценарии, и на тот период я сделал то, что от меня хотели режиссеры. Но главное, и тут ты права — у людей вновь проснулся интерес к нашему кино. В этом большая заслуга моих ровесников — режиссеров, которые его снимают.

— Валерий Тодоровский и Денис Евстигнеев — талантливые режиссеры, которые сейчас «в моде»... Какие у вас отношения?

— Интерес к творчеству Валеры и Дениса был достаточно сильным еще до того, как я снялся у них в картинах. Один — известный режиссер, который возил свои фильмы в Канн, второй — известный оператор, снявший такие фильмы, как «Такси-блюз», «Слуга»... Мне жутко повезло, что я встретился с Валерой и Денисом и в жизни, и в работе. Кстати, это уже стало закономерностью — все режиссеры, с которыми я делал фильмы, становились моими добрыми друзьями.

— В одном из твоих интервью я прочитала, что во время работы над «Лимитой» съемочная группа подарила тебе смокинг. Тебя же чаще можно увидеть в джинсах...

— Красивые вещи — моя слабость. Я очень люблю носить смокинг и чувствую себя в нем уютно. А джинсы... Это вечная одежда, недаром в них ходят все — от рабочего до президента.

— А как ты оказался отцом в «Американской дочери»?

— На эту роль искали актера в течение трех лет. За это время перепробовали множество замечательных артистов. Причем Карен Шахназаров говорил мне, что пробы у меня были не самые лучшие: я куражился много. Но дней за десять до съемки все-таки сказал: «Володя, ты будешь играть Алексея»...

— Значит, теперь смело можно сказать, что Машков попал в кинообойму, у него нет отбоя от режиссеров, а театр отошел на второй план?

— Нет, конечно. Я прежде всего

В его судьбе много необычного и противоречивого. Второе имя — которое он получил при крещении — Леон. Это от итальянских предков по материнской линии. От них же карие глаза с поволокой, импульсивность и темперамент.

Машкову скоро 32 года. По знаку Зодиака — Стрелец. В Москву приехал из Новокузнецка, поступил в Школу-студию МХАТ.

Затем его взял на свой курс Олег Табаков, и он закончил училище с «красным» дипломом. Холост. Дочке от первого брака Маше Машковой уже 10 лет...

Многие воспринимают его лишь как красавца, суперсексуального мужчину. Безусловно, природа наградила его достаточно щедро. Но есть и другой Машков: старик Шварц из спектакля Александра Галича «Матросская тишина» и Угаров из «Провинциальных анекдотов» Вампилова, которого он играл на бенефисе у Олега Табакова... Он всегда разный. Не только в кино или на сцене, но и в жизни перевоплощается настолько быстро, что не успеваешь уловить, серьезен он или шутит...

театральный актер. Но я бы не стал противопоставлять эти два вида искусства. То, что можно сделать в кино, иногда нельзя сделать в театре и наоборот.

— Театральная публика знала тебя давно, ведь в «Табакерке» ты один из заметных актеров, теперь вот пошли режиссерские работы... Но все-таки настоящая слава нашла тебя только в 30 лет. Не обидно, что так поздно?

— Я не буду лукавить и говорить, что мне этого не хотелось раньше. Естественно, когда снимался в первых фильмах, то всегда подсознательно думал, что наконец-то это увидят и оценят все. Но этого не случилось. Сегодня я все больше понимаю, что актер должен быть на виду. Артист, который что-то делает, но никто о нем ничего не слышал, — уже не артист. Нас должны видеть люди, для этого и существует наша профессия.

— Из своей популярности ты извлекаешь какую-то выгоду?

— Бывает. Я люблю быстро ездить и не всегда как положено. (Автомобили и женщины — две слабости Машкова, трудно сказать, что волнует его сильнее — женщины или машины. — А.Б.) Гаишники иногда сжались и отпускают. От этой «привилегии» я не отказываюсь. Но закливать на своей популярности глупо. Мне Карен Шахназаров рассказывал, как он с Машковым зашел однажды в Италию в ресторан. Карен думал, что сейчас их обступит толпа восторженных поклонников Марчелло. Ничего подобного! Все сидели на своих местах. И лишь улыбались ему, как доброму знакомому. По-моему, это то, что надо.

— Володя, о количестве разбитых тобою женских сердец ходят легенды... Поклонницы силь-

но одолевают? У дома караулят?

— Я же не Филипп Киркоров...

— Но ты Владимир Машков...

— Мне кажется, что всеобщее обожание — участь тех, кто ныне поет с экрана и пишет песни, под которые те самые поклонницы плачут...

— Но ведь «из всех искусств для нас важнейшим является кино»...

— Для вас. Для меня — это театр. А то, что поклонницы под балконом не стоят, — и слава Богу! Если бы это произошло, я пригласил бы их всех к себе в квартиру.

— Мы заговорили о театре. В этом году твоё имя на «Золотой маске» (аналог кинематографической «Ники», — А.Б.) было названо в номинации «лучшая режиссерская работа» среди таких метров, как Валерий Фокин, Петр Фоменко. Для тебя это было неожиданным?

— В общем нет, потому что я в курсе того, что происходит в театрах. За год я посмотрел многое, и «Смертельный номер» (спектакль все-таки получил приз «Хрустальная Турандот» как лучший спектакль сезона. — А.Б.) был ничуть не хуже многих, в том числе и представленных на «Золотой маске».

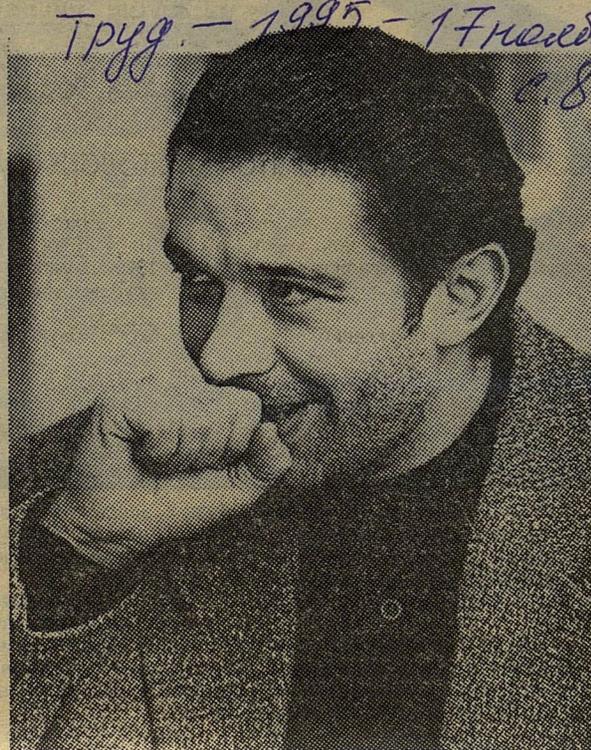
— На спектакле «Страсти по Бумбарашу», который ты поставил по ранней прозе Аркадия Гайдара, был его внук Егор Гайдар. Вы общались?

— Он приходил за кулисы, благодарил. Сказал, что ему очень понравилось.

— А критика тебя жалует?

— Есть очень умные, тонкие статьи, где мне рассказывают то, чего я сам про себя не знаю. Мне это интересно.

А расстраивает то, что критики, которые пишут о театре, порой делают это с ненавистью. Я сам иног-

близко, и попросил моего друга Олега Антонова написать пьесу. Мы долго с ним размышляли, сидели ночами и что-то переделывали. В результате получилось либретто, о котором знали только я и Олег, а героями пьесы стали четыре клоуна.

— А что тебе еще хотелось бы сделать: написать сценарий, снять фильм?

— Кино снимать не хочу. Никогда не думал об этом. Мечтаю сделать яркий, громкий, агрессивный спектакль на большой сцене.

— Не хотелось бы тебе сыграть Ромео?

— Если бы Шекспир написал «Ромео и Джульетта 20 лет спустя», то сыграл бы с удовольствием. Этот Ромео был бы мне гораздо ближе и понятнее.

— Володя, а как ты относишься к тому, что тебя называют секс-символом? Не наблю оскомину?

— Все началось с подачи Дениса Евстигнеева. Он пошутил, а все подхватили. Ерунда полная. Уже сил нет отвечать.

— Глядя в твои глаза, мне кажется, трудно остаться равнодушной. Какой должна быть женщина, которая завоевывает твоё сердце?

(Пауза). — На этот вопрос я не смогу ответить. Любить женщину, которую ты себе придумал, нельзя. И еще одно я понял точно: чем больше времени ты не понимаешь, за что любишь женщину, тем лучше, тем долгие будут отношения.

— Ты везучий человек?

— Я не могу сказать, что я несчастный и невезучий. Жизнь по-разному складывается. На судьбу жаловаться не буду.

— Мы с тобой довольно долго разговариваем. За это время ты был разным: веселым, грустным, немножко агрессивным. Ты производишь впечатление компанейского, своего в доску парня, даже шалопая. Представить тебя суровым режиссером, который делает замечания актерам, не могу.

— На самом деле я очень серьезный человек. (Смеется.) Знаешь, может быть, в жизни я человек легкомысленный, но то, что касается работы — тут я послушный актер и требовательный режиссер. Я никогда не опаздываю на репетиции, прихожу всегда собранный и требую этого от других.

— А как ты считаешь, что о тебе напишут в энциклопедии, когда ты туда попадешь?

— Для меня это неважно. Главное — должна быть магия имени. Вот, к примеру, мы говорим: Ломоносов. Сразу вспоминаем, что он сделал. Я не равняю себя с гениями, но имя и дело должны быть созвучны...

**Безответно влюбился и вела беседу
Арина БОРОДИНА.
Фото Валерия УТЦА.**

да вижу такие постановки, что просто хочется сжечь декорации, но тут же понимаю, что люди делали это с любовью, а вот критики об этом часто забывают.

— Я слышала, что тебя Райкин пригласил ставить спектакль у себя в «Сатириконе»...

— Это правда. Я готовлю новую работу у него в театре. Костя — потрясающий мастер, мы хорошо понимаем друг друга.

— А как Олег Павлович относится к твоим постановкам «на стороне»? Тебе важно его мнение?

— Почему нет? Ведь Табаков мой учитель.

— Звучит как-то казенно. В последнее время поговаривают, что твои отношения с Табаковым в театре не совсем ровные...

— Я очень хорошо знаю Олега Павловича, а он меня. Мне по-настоящему приятно, когда ему за меня не стыдно. Просто я набрался смелости, вначале сделал один спектакль самостоятельно, потом другой... Наверняка он был с чем-то не согласен, ведь мы очень разные. Табаков высокий профессионал и очень интуитивный человек.

Я хочу ставить спектакли только здесь и Олег Павлович тоже. Он помогал мне со «Смертельным номером», театр дал денег, ведь это очень дорогая постановка.

— «Смертельный номер» сделан в редком жанре, это балаган. Как родился замысел?

— Я подумал, хорошо бы сделать историю про театр, про то, что мне

P.S.

Буквально на днях Владимир Машков вернулся из Женева с фестивалю «Молодые звезды Европы», где получил Гран-при за лучшую мужскую роль в фильме «Лимита» и за нее же специальный приз «Молодого жюри». Поздравляем!

Машков Валерий

19.11.95